

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-334-349

EDN: EIDHRM

Научная статья

Комбинации сочинительных союзов в современной русской речи

М.Я. Дымарский

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉ dym2005@list.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена особым вниманием современной лингвистики к грамматической семантике, в т.ч. к явлениям так называемого «малого» синтаксиса. Цель исследования заключается в привлечении внимания к ранее не изучавшемуся явлению комбинирования сочинительных союзов в одном ряду и первичном описании четырех случаев такого комбинирования. Рассмотрены полученные по запросам в Национальном корпусе русского языка конструкции, в которых введены: 1) в ряд с повторяющимся союзом *ни... ни* — дополнительный союз *и*; 2) в такой же ряд — дополнительный союз *да и*; 3) в такой же ряд — союзное сочетание *но и*; 4) в ряд с повторяющимся союзом *то ли... то ли* — дополнительный союз *а*. Показано, что во всех случаях введение эксплетивного союза связано с реализацией дополнительных функций: ритмического выравнивания фразы (*и*), подчеркивания замкнутости ряда (во всех случаях), выражения колебаний говорящего (*да и*), добавления уступительного или противительно-отождествительного оттенка (*но и*), подчеркивания высшей точки градационной шкалы (*а*). Показано также, что, хотя описанные комбинации обладают разной степенью распространенности (первая и последняя — широкой, вторая и третья — значительно меньшей), все они особенно актуальны для текущего состояния русского языка. Некоторые из них впервые фиксируются только в XX в., другие известны давно, но ранее использовались редко, а с середины XX в. демонстрируют заметный рост употребительности.

Ключевые слова: сочинение, повторяющийся союз, составной союз, сочетание сочинительных союзов, сочиненный однородный ряд, семантика сочинительной связи

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 05.02.2026; принята к печати 18.05.2026.

Для цитирования: Дымарский М.Я. Комбинации сочинительных союзов в современной русской речи // Русистика. 2026. Т. 24. № 3. С. 334–349. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-334-349> EDN: EIDHRM

Введение

В русистике хорошо известны и описаны комбинации подчинительных союзов, возникающие прежде всего при вложении одного придаточного в другое (*сообщил, что, если ..., то ...; придет, если, хотя это и маловероятно, позовут* и мн. др.). Подобным конструкциям посвящены и монографические исследования, например (Гаврилова, 1979), и статьи (Ганцовская, 1974; Ивкова, 2017; Волкова, Коротун 2023). Уделяется внимание также случаям сочетания сочинительного и подчинительного средств связи (Беднарская, 2020). Рассматриваются сочетания сочинительных союзов с конкретизаторами (*и поэтому; но зато*) и квалификаторами (идея разграничения конкретизаторов и квалификаторов принадлежит М.И. Черемисиной и Т.А. Колосовой (Гаврилова, 2015: 76).

Меньше внимания уделяется комбинациям сочинительных союзов: *а + то, но + и* и др. Показательно, что, например, в работе (Логачева, 2012) не приведено ни одного примера таких комбинаций, хотя, как показывает наш материал, в лирике XIX–XX вв. это явление не столь редкое. В работах по сочинительной связи наблюдается тенденция к признанию подобных комбинаций отдельными производными (составными) союзами. Так, в (Апресян, Пекелис, 2012) только в списке повторяющихся союзов (не комбинаций союзов, а именно союзов) фигурируют *то... то... а то; то... то... а то и; либо... либо... то ли; либо... либо... или; то ли... то ли... или* и др. Некоторым из таких составных союзов посвящены специальные работы, например (Урысон, 2010; 2011).

Цель исследования — анализ четырех случаев комбинирования сочинительных союзов в одном ряду. Это случаи, когда комбинация сочинительных союзов имеется, но говорить об отдельном составном союзе, как кажется, нет оснований.

Методы и материалы

В фокусе внимания 4 сочетания: 1) *ни... ни... и ни...;* 2) *ни... ни... да и ни;* 3) *ни... ни... но и ни;* 4) *то ли... то ли... а то ли.* Отличительная особенность этих комбинаций заключается в их особой актуальности для современного русского языка. Некоторые из них фиксируются, согласно данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ), лишь начиная с середины XX в., другие фиксировались и ранее, однако примеры, датированные XVIII–XIX вв., единичны; подавляющее же большинство примеров, извлекаемых по соответствующим запросам из НКРЯ¹, датировано второй половиной XX и XXI вв.

Источником материала послужил НКРЯ; в отдельных случаях привлекались материалы из личной картотеки автора. Все высказывания, ставшие объектом анализа, принадлежат письменной речи, в абсолютном большинстве случаев прошедшей стадию редактирования; материал устной речи к анализу не привлекался.

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 1.03–20.03.2026).

В числе методов, кроме наблюдения и описания, будут использованы простейший синтаксический эксперимент и элементы семантического анализа.

Результаты

Анализ материала позволил установить, что во всех рассмотренных случаях введение эксплетивного союза связано с реализацией дополнительных функций: ритмическое выравнивание фразы (*и*), подчеркивание замкнутости ряда (во всех случаях), выражение колебаний говорящего (*да и*), добавление уступительного или противительно-отождествительного оттенка (*но и*), подчеркивание высшей точки градационной шкалы (*а*). Таким образом, первоначальное рабочее предположение о том, что эксплетивный союз появляется как результат действия одной из тенденций, формирующих антиномию избыточности и экономии, из простого стремления к (неосознанному) дублированию смыслов, то есть по принципу «кашу маслом не испортишь», не подтвердилось.

Описанные комбинации обладают разной степенью распространенности, но все они особенно актуальны для текущего состояния русского языка.

Можно полагать, что эти результаты обладают новизной, поскольку комбинации сочинительных союзов, насколько автору известно, до сих пор специально не изучались.

Обсуждение

Ни... ни... и ни

Добавление союза *и* перед конъюнктом однородного ряда (чаще последним), связанного повторяющимся *ни... ни*, далеко не новое явление. Однако примеры подобных употреблений в XVIII–XIX вв. в НКРЯ (основной подкорпус) крайне немногочисленны. Значительный рост употреблений наблюдается начиная с рубежа XIX–XX вв. Не исключено, что некоторую роль в этом сыграла широко известная формула из песни «Интернационал» (*...ни бог, ни царь и ни герой*)², многократно цитируемая в самых разнообразных позднейших текстах; но влияние идеологически окрашенного образца не стоит преувеличивать, поскольку рассматриваемая конфигурация встречается в текстах авторов, которых невозможно счесть апологетами соответствующей идеологии, ср.:

(1) *Вот оно — знакомый наизусть*

Мягкий плеск, залитый серебром...

— Ничего... И я ему молюсь

Ни о чем.

Ни на небе и ни на воде,

ни в далекой линии огня —

Ничего, разлитое везде,

Ничего, входящее в меня.

² Перевод на русский язык «Интернационала», созданного в 1871 г., был осуществлен А.Я. Коцем в 1902 г.

*И без слова, без конца, без сна,
с сердцем, точно растворенный дом,
я молюсь, как тихая сосна,
Ни о чем* (Зинаида Миркина³).

Союзы *и* и *ни*... *ни* относятся к соединительным и близкородственным: второй является отрицательным вариантом повторяющегося первого. Уместен вопрос, существуют ли рациональные объяснения вставки дополнительного союза, дублирующего и без того уже выраженные смыслы.

1. Первое объяснение очевидно из (1): роль эксплетивного *и* сводится к ритмическому выравниванию фразы; этот факт подчеркивается тем, что *и* занимает положение не перед последним конъюнктом и поэтому не может выполнять функцию подчеркивания замкнутости ряда. Такова же функция дополнительного *и* в уже упомянутой строчке из русского перевода «Интернационала». Сходный пример:

(2) *В общении и тренировочной толчее с нашими олимпийцами, чемпионами мира, призерами международных соревнований мой спортивный лексикон дополнился такими «крылатыми» выражениями, как: «ни кефир и ни сметана не заменят нам „метана“», «хочешь быть здоров, как слон, — ешь метандростенолон*!»* (А. Феськов. Олимпийская мафия или культура? // «Огонек». № 5, 1991).

Свободное варьирование позиции дополнительного *и* служит достаточным основанием для того, чтобы считать получающуюся структуру не составным союзом, а комбинацией союзов.

Собственно стихотворная форма для актуализации функции ритмического выравнивания необязательна:

(3) *Не помеха Аввакуму и ни жена, ни дети, ни любовь и ни нежность душевная* (Н.С. Лесков. Божedomы. 1868).

В (3) два последних конъюнкта — *ни любовь и ни нежность душевная* — читаются как трехстопный анапест с дактилическим окончанием. Если учесть, что произведение Н.С. Лескова, хоть и написано прозой, несет заметные черты стилизации, такое уподобление финальной части фразы стиху не кажется неожиданным.

Аналогичное выравнивание, но уже без всякой ориентации на высокий штиль, наблюдаем и в современной прозе и публицистике (4–7):

(4) *Но никто, конечно, — ни бабушка, ни мама, ни дядя Гриша, ни отец, ни Горик и ни Женька — не показывал виду, что Сережка не родной сын бабушки* (Ю.В. Трифонов. Исчезновение. 1981);

³ Период активного поэтического творчества З. Миркиной (1926–2018) пришелся на вторую половину XX в. Дата создания стихотворения в доступных мне источниках не указана; судя по тому, что оно цитируется в одной из 15 глав «Записок гадкого утенка» Г.С. Померанца, написанных, как указано в Предисловии ко второму изданию, «с осени 1983-го по январь 1986-го» (Померанец, 2013: 5), стихотворение написано не позднее 1983 г.

* Незаконное потребление наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих веществ, их аналогов причиняет вред здоровью, их незаконный оборот запрещен и влечет установленную законодательством ответственность.

(5) *В магазины почти не захожу: нет ни денег и ни желания* (Н. Варсегов. Исповедь россиянки (без сокращений) // Комсомольская правда, 05.12.2007);

(6) *Ни сахаром и ни маслом Шипулин Анжеле не платит* (Н. Ко. Кушчевские фермеры боятся мести жены Цапка // Комсомольская правда, 14.03.2012);

(7) *Потому что насколько я знаю, ни в Астрахани, и ни в Чите нет ни одного визового центра ни одной европейской страны* (АТОР: туроператоры абсолютно готовы к переходу на биометрию // Vesti.ru, 14.09.2015).

В (4) шестичленный ряд организован попарно, и в каждой паре ударному слогу четного конъюнкта предшествуют 3 безударных; в третьей паре сохранение этой закономерности обеспечено эксплетивным *и*.

В (7) часть предложения до первого *ни* читается как трехстопный анапест с неполной четвертой стопой, а однородный ряд (до слова *нет*) — почти как трехстопный амфибрахий. Судя по тому, что есть лишний слог, это получилось без умысла автора, но тем показательней, что эксплетивный *и* все-таки использован: при чтении без декламации, в нейтрально-разговорном ключе, лишний слог (гласный в окончании названия *Астрахани*) редуцируется практически до нуля — и автор компенсирует это вставкой *и*.

Функция ритмического выравнивания наблюдается и во многих примерах, которые будут приведены ниже, но останавливать на этом внимание мы уже не будем.

2. Вторая функция эксплетивного *и* состоит в замыкании ряда. «Основное семантическое отличие бессоюзного перечисления от перечисления с участием *и* состоит в том, что *и* всегда выражает законченность перечисления», — указывает О.Е. Пекелис (Пекелис, 2013) со ссылками на (Санников, 2008; Урысон, 2011). Союз *ни... ни* — при том, что он образует открытый сочинительный ряд, — сам по себе является достаточно сильным средством для выражения законченности перечисления, в особенности если конъюнкты образуют оппозицию. Союз *и* подчеркивает смысл завершенности перечисления:

(8) *Некоторые пытались даже их понюхать, в связи с чем член ЦИК Елена Дубровина вынуждена была сделать публичное заявление, что «шары не отличаются ни формой, ни цветом и ни запахом»* (А. Карпов. Больше одного шара в одни руки не давать! // Труд-7, 01.11.2007);

(9) *Я все не в силах отделиться от стены и уже чувствую, что, если меня вынудят, не могу уйти в кусты: отмываться, ни да ни нет, ни правда и ни ложь — неопределенного желе из страха и желания остаться «честным» на этот раз не получится* (А. Битов. Записки из-за угла. 1964).

В (9) две бинарных оппозиции, во второй исчерпанность перечня подчеркивается эксплетивным *и*, но при этом последний парадоксальным образом подчеркивает и одновременность, сосуществование взаимоисключающих характеристик прогнозируемой речи персонажа. В (10–11) оттенка сосуществования нет, но оппозитивность ряда наблюдается, эксплетивный *и* также подчеркивает его замкнутость:

(10) <...> *глушь такая, что не слышна ни хвала и ни хула...* (А. Вознесенский. Оза. 1964);

(11) *Тот же Уорхол совершенно не страдал никаким ни антиамериканизмом, и ни антисоветчиной* (Отец и дети. Выставка в Москве подвела итоги русского поп-арта // РИА Новости, 07.11.2005).

Оппозитивный характер ряда, однако, не является обязательным условием для реализации функции его замыкания. Свободное комбинирование оппозитивных и неопозитивных рядов в сочетании с варьированием функции и демонстрирует фрагмент старинной казачьей молитвы-заговора, воспроизводимой Шолоховым:

(12) *Святой Дмитрий Солунский, уцити меня, раба божьего, и товарищей моих на все четыре стороны: лихим людям не стрелять, ни рогаткою колоть и ни бердышем сечи, ни колоти, ни обухом прибити, ни топором рубити, ни саблями сечи, ни колоти, ни ножом не колоти и не резати ни старому и ни малому, и ни смуглому, и ни черному; ни еретику, ни колдуну и ни всякому чародею* (М.А. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1-я. 1928–1940).

Этот пример выразительно демонстрирует все функции эксплетивного *и*, унаследованные языком от весьма отдаленных по времени состояний, но особенно востребованные современной русской речью.

Функция замыкания ряда у эксплетивного *и* в (12) налицо. Особенно важно, что она прослеживается во всех 6 случаях его употребления, хотя собственно оппозиция имеет место только в одном микроряде (да и та лишь частный случай гендиадиса (Кручинина, 1988: 21): *ни старому и ни малому*. В остальных случаях подразумевается, по-видимому, исчерпанность перечня (например, действиями *колоть* и *резать* исчерпываются возможные применения ножа как оружия).

Функция замыкания ряда, однако, не отменяет и базовой функции соединительного союза: он всякий раз открывает позицию для нового конъюнкта, как это делает вообще любой союз («Ведь каждый союз „соединяет“, — писал классик (Пешковский, 1956: 448)), и эти две функции парадоксальным образом реализуются одновременно.

Стоит иметь в виду еще и то, что функция замыкания ряда может просто приписываться союзу нашим восприятием. Единственное средство, которое абсолютно несомненно выполняет эту функцию, — это интонация завершения, причем вне зависимости от наличия или отсутствия союза. Однако, учитывая, что о функции выражения законченности перечисления писали только за последние десятилетия и В.З. Санников, и Е.В. Урысон, и О.Е. Пекелис, будем считать, что функция замыкания ряда у эксплетивного *и* действительно существует. В прозрачных примерах вроде следующего она кажется несомненной:

(13) *В результате российской дипломатической активности можно ожидать, что ни США, ни Франция, ни Саудовская Аравия, ни Турция и ни Израиль не будут оказывать противодействие наступлению созданной*

*Россией коалиции на ИГИЛ*** (Великое сотрудничество континентов? // Известия, 01.10.2015).

Функция замыкания ряда может быть особенно уместна в ситуации доведения перечня до абсурда:

(14) *Ни гремевшие во времена оны метаметафористы, ни конструктивисты, ни лианозовцы, ни «бродскисты», ни куртуазные маньеристы, ни митьки, ни петьки и ни федыки* никоим образом не деформировали годами узнаваемую манеру письма «переводчицы с космического» (С. Шабалин. Слово о переводимости // Ex Libris НГ, 28.10.1999).

Ни... ни... да и ни

А.Ф. Прияткина более полувека назад отмечала, что «цепь однородных единиц» — это одно из синтаксических условий, «способствующих присоединению» (Прияткина, 2007 (1962): 205). С этим спорить не приходится, но понятно, что наличие этого условия отнюдь не обязательно влечет появление присоединения. Это как раз относится к рассматриваемому сочетанию. Присоединительный *да и* в составе сочинительного ряда, связанного повторяющимся *ни... ни*, появляется нечасто: по соответствующему запросу НКРЯ (основной и газетный подкорпуса) возвращает выборку из 15 валидных примеров (дата обращения 13.03.2026); Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ) по такому же запросу возвращает 1 валидный пример. Шесть из 16 примеров датируются XXI в.; это допустимо трактовать как медленный рост употребительности, если учесть, что 6 примеров зафиксированы за четверть века, остальные же 12 — за 300 лет. Случаи, не отягощенные никакими осложнениями, представлены такими примерами:

(15) *Я истинно скажу: ни добра, да и ни зла* без нужды я никому не делал — право... (В.Ф. Одоевский. Живой мертвец. 1844);

(16) Матрена: *В мещане выпишусь, буду как люди: что мое — мое, а не так: твое — мое, а мое не твое. Теперь я на полторы тысячи какую бы лавчонку открыла, а так... ни мне* (машет рукой), *да и ни вам, старики...* (Н.Г. Гарин-Михайловский. Деревенская драма. 1903);

(17) *«Ни совет директоров, ни акционеры ни по законодательству, да и ни по практике <...> не оказывают влияния на содержание* (вещания радиостанции. — М. Д.) *<...>», — прокомментировал ситуацию Бергер* (<http://ria.ru/media/20120214/565476017.html> Пример из ГИКРЯ).

Присоединительный *да и*⁴ появляется перед последним конъюнктом и вносит в ряд дополнительный оттенок присоединительности, т.е. добавочности, в некоторой степени — спонтанности появления этого конъюнкта. Однако при двучленности ряда — ср. (15–17) — этот оттенок вступает в противо-

**Организация признана экстремистской / террористической, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ И.Н. Кручинина считает его не союзом, а сочетанием союза *да* с частицей *и* (Кручинина, 1988: 135–136). Однако оптимальным представляется решение, впервые предложенное В.А. Плотниковой (Робинсон) еще в академической грамматике 1954 г. (Грамматика..., 1954: 262–263).

речие с тем фактом, что уже открыт сочинительный ряд с повторяющимся союзом *ни... ни*, поскольку из этого факта следует, что второй конъюнкт запланирован одновременно с первым: иначе перед первым конъюнктом не появилось бы первое *ни*, за которым обязано последовать второе.

Здесь надо сделать оговорку. В русском языке есть конструкции с одиноким *ни* вторичного отрицания: *На небе не было ни облачка; Не решил ни одной задачи*. Однако при отрицаемом актанте или сирконстанте должен присутствовать или подразумеваться квантификатор *один*, так как подразумевается множественность отрицаемых актантов. Фраза *До сих пор не прочитал ни страницы* подразумевает, во-первых, *ни одной страницы*, во-вторых — множественность страниц, которые требовалось прочесть. В (15) квантификация актантов *добро* и *зло* исключена лексическим значением абстрактных имен, в (16) — тем фактом, что актанты обозначены личными местоимениями, в (17) — единственностью совета директоров, группы акционеров, законодательства, а также абстрактным значением существительного *практика*. Другими словами, в (15–17) возможность одиночной частицы *ни* исключена.

Вернемся к упомянутому противоречию. В самом деле, при использовании устойчивой антонимической пары *добро — зло* (15) говорящему вряд ли требуется дополнительное размышление перед введением второго конъюкта: произнеся «ни добра», он запрограммировал продолжение «ни зла». Дополнительное размышление обусловлено не лексическим выбором, а причинами морального свойства: утверждение говорящего если и соответствует истине, то с существенными оговорками, ср. характерное *без нужды*: в реальности персонаж как раз делал зло, и скоро выясняется, что не всегда и малое, и отнюдь не будучи к этому вынужден.

Элемент хезитации можно видеть и в (16): не только в ремарке «машет рукой», но и в выборе, кого еще, кроме себя, назвать в качестве потенциально-го выгодополучателя. Именно на этот момент колебания, по-видимому, указывает наложение на соединительный ряд оттенка присоединительных отношений.

Наконец, в (17) элемент хезитации связан, вероятно, с сомнительностью утверждения об отсутствии практики вмешательства менеджмента компании в содержание вещания радиостанции.

Таким образом, противоречие между запланированным характером двучленного сочинительного ряда и добавлением к уже фактически реализованным соединительным отношениям отношений присоединения снимается наличием особого оттенка колебаний говорящего: в выражении этого оттенка и можно видеть цель комбинации союзов в данном случае.

Чаще, однако, встречаются употребления, в которых последний конъюнкт выражен отрицательным местоимением и служит обобщающим компонентом однородного ряда. «Союз *ни... ни* всегда совмещает соединительную функцию с функцией усилительной частицы» (Русская грамматика, 1980: 618), что делает вполне объяснимым и появление обобщающего компонента.

В таких случаях последний *ни* играет двойственную роль: это и элемент союза, и отделяемый префикс отрицательного местоимения:

(18) *И это не значит, что они менее достойны или талантливы, нет, просто она была другой, **ни на них, да и ни на кого** не похожей* [Мадам Честертон в интерьере эпохи и близкого круга друзей // Ведомости, 2010.06.24];

(19) *«Людей, способных на такие поступки, нельзя принимать **ни** у президента, **ни** у премьера, **да и ни** у кого другого», — заявил г-н Шувалов* (И. Шлыгин. Рецепт все тот же: приватизация и пенсионная реформа // РБК Daily, 19.04.2013).

В (19) ряд трехчленный; можно полагать, что здесь обобщающий компонент действительно появляется на правах прототипического присоединения. В (18) ряд двучленный, поэтому по отношению к этому случаю действительны суждения, высказанные выше в отношении примеров (15–17). Любопытно, что при выражении последнего конъюнкта отрицательным местоимением с обобщающей функцией присоединительный или соединительный (*и*) союз превращается из факультативного в едва ли не обязательный элемент конструкции. Весьма сомнительны варианты без *да и* или *и*:

(19.1) **Таких людей нельзя принимать **ни** у президента, **ни** у премьера, **ни** у кого другого.*

Функция усилительной частицы, сохраняющаяся у союза *ни... ни*, порождает в рядах с этим союзом оттенок восходящей градации. Этим объясняется появление перед последним конъюнктом дополнительного (при)соединительного союза, указывающего на достижение высшей точки некоторой шкалы и тем самым замыкающего ряд.

Ни... ни... но и ни

Сочетание *но и* иногда называют в числе присоединительных союзов. Е.Р. Иоанесян считает наиболее вероятной квалификацию этого сочетания как «отдельного составного союза» — особой разновидности противительного союза *но* (Иоанесян, 2010: 25–26). В «Русской грамматике» говорится о сочетании союза *но* с конкретизатором *и*, «непосредственно не поддерживающим собственно противительную семантику союза *но*» и придающим второй части (второму конъюнкту) «выделительную» функцию; еще одно такое сочетание — *но даже* (Русская грамматика, 1980: 625).

Интересно, что сочетание *но и* упоминается в «Русской грамматике» только в связи со сложносочиненным предложением, хотя оно может использоваться и в простом предложении с вторичной, по А.Ф. Прияткиной, союзной связью:

(20) *Замечания были очень доброжелательные, **но и** серьезные, глубокие* [Собственный пример].

Обсуждение природы сочетания *но и*, в т.ч. представления о нем 1) как о производном составном союзе, 2) сочетании союза с частицей, 3) сочетании двух союзов в нашу задачу не входит (это может составить тему отдельной

работы). Заметим лишь, что даже беглое знакомство с выборкой, полученной по простейшему запросу «но и» в основном подкорпусе НКРЯ, показывает, что существуют разные значения этого сочетания. В одних случаях второй компонент сочетания синонимичен словам с соединительно-отождествительной семантикой *тоже / также*. Таков пример (20) и следующие:

(21) *У меня есть заместители, **но и** их надо контролировать* (Форум: 12 часов в день? Не могу согласиться с М. Прохоровым. 2010–2011) (*...но их **тоже** надо контролировать*);

(22) *Наконец-то к моей бесконечной радости, **но и** к моему глубокому позору, я только сейчас, посмотрел этот Фильм* [Форум: 17 мгновений весны (2005–2010)] (*...но **также** к моему позору*).

Такого рода пример приводится и в «Русской грамматике»:

(23) *Есть у меня в настоящее время только один план, **но и** этот план писан вилами на воде* (С. Рахманинов).

В подобных употреблениях признанию *и* сохраняющим признаки соединительного союза препятствует лишь его позиция не между конъюнктами. Возможность его синонимической замены свидетельствует о сохранении им известной самостоятельности: сращения в единый союз с *но* не происходит.

Да и позиция не между конъюнктами — аргумент, который может быть оспорен. В трех из четырех приведенных примеров равно могут функционировать и одиночные союзы: *доброжелательные, **но / и** серьезные; есть заместители, **но / и** их надо контролировать; есть план, **но / и** он писан вилами на воде*. Это означает, что *и* в таких употреблениях сохраняет союзную функцию и известную самостоятельность, поэтому в (20, 21, 23) можно видеть сочетание двух союзов.

В случае же (22) одиночный *и* возможен (*к моей радости **и** к моему позору*), а вот одиночный *но* как раз нет (**к моей радости, но к моему позору*): следовательно, здесь целесообразнее говорить о составном союзе.

В других употреблениях *и* близко по смыслу к *при этом, в то же время*:

(24) *Вас примут с распростертыми объятиями в необразовательных учреждениях, где это (язык особенно) требуется. Уж, конечно, не на должность генерального директора, **но и** определенный рост не заставит себя, на мой взгляд, ждать* (Форум: Были вы в стране преподаваемого языка? 2008–2011).

Замена *и* на *тоже / также* в (24) представляется маловероятной. Более того, при замене на *при этом* или *в то же время* элемент *и* вполне может сохраниться:

(24.1) *...но **при этом и** определенный рост не заставит себя ждать*.

В таких употреблениях существен уступительный компонент — один из регулярных оттенков значения союза *но* (ср. *уж конечно* в начале фразы). Возможно, применительно к таким случаям уместно говорить о *но и* как о разновидности противительно-уступительного *но*, т.е. как о едином составном союзе, но в другой, по сравнению с (22), разновидности. Возможность

дистантного расположения компонентов, как в (24.1), не отменяет этой гипотезы: прецеденты дистантного расположения компонентов составного союза хорошо известны, ср. *Он тебя изругает, унизит, а то и выгонит* → *Он тебя изругает, унизит, а то, пожалуй, и выгонит*.

Впрочем, элемент уступительной семантики можно усмотреть и в (20), который допускает перифразу:

(20.1) *Замечания были **хоть и** доброжелательные, **но** серьезные.*

Таким образом, в союзном сочетании *но и* в разных контекстуальных условиях могут актуализироваться семантические оттенки противопоставления, уступки, отождествительной соединительности; в каждом случае на первый план выходит один из них, но остальные не исчезают, а присутствуют в качестве фона.

Как показывают примеры из НКРЯ, при вхождении в ряд с повторяющимся *ни... ни* союзный комплекс *но и* выступает прежде всего с оттенками противопоставления и отождествления:

(25) *Частной, личной жизни у меня не было, и в конце концов Бог знает, для кого и чего живу. **Ни для людей** — их не люблю, **ни для Бога** — его не знаю, **но и ни для себя**. Для кого же? (С.И. Вавилов. Дневники. 1914–1916);*

(26) *Кабинка представляла собою досчатую пристроечку, внутри были нары <...>, на стенках <...> висело весьма скромное количество вождей, так сказать, — **ни энтузиазма, но и ни контр-революции** <...> (И.Л. Солоневич. Россия в концлагере. 1935);*

(27) *Нет таких мест, где б так вкусен был город... Этот не насыщающий и предельно насытивший **ни небесный, но и ни земной**... Где он бродит и где расположен? (В. Володин. Повесть временных лет. 2009).*

В (25) реализована тернарная оппозиция *для людей — для Бога — для себя*. Первый и третий ее члены оппозитивны по горизонтали, и оба они оппозитивны второму — по вертикали. В (26–27) оппозиции очевидны, если учесть, что под энтузиазмом автор подразумевает *революционный энтузиазм*.

Думается, что главное назначение *но и* при введении его в уже сформированный сочинительный ряд состоит в подчеркивании парадоксальности сосуществования называемых явлений. Вторая функция заключается в замыкании ряда: противительный союз закрывает структуру.

То ли... то ли... а то ли

Как и повторяющийся *ни... ни*, повторяющийся *то ли... то ли* создает открытую структуру, хотя и с другим значением (перебор вариантов, возможность любого из называемых элементов). Появление дополнительного *а* закрывает эту структуру:

(28) *В кустах что-то недовольно заурчало — **то ли** собака, **а то ли** сам лесной хозяин (М. Успенский. Там, где нас нет. 1995);*

(29) *Никто в толпе не шелохнулся — **то ли** побоялись, **а то ли** пьяных еще не было (Митьки. Громпопыка. 1997).*

В некоторых случаях конъюнкты образуют явную оппозицию, хотя, как видно из (28–29), оппозитивность необязательна:

(30) *Все так, старик, — **то ли** думал только, **а то ли** проговаривал Цахилганов* (В.Г. Галактионова. 5/4 накануне тишины. 2004);

(31) *Меня цыганка заговорила», — говорил он **то ли** в шутку, **а то ли** всерьез* (К. Кожевникова. Дождички по четвергам // Вестник США, 17.09.2003).

Оппозиция может быть и неявной, но в организации ряда она принимает несомненное участие:

(32) *Здесь он умер. На том канаве, / Перед тем прошептал изречение / Непонятное: «Хочется пе...» / **То ли** песен. **А то ли** печенья? / Кто узнает, чего он хотел, / Этот старый поэт перед гробом!* (Д. Самойлов. Дом-музей) — возвышенное / земное;

(33) *Черт его знает, **то ли** у него выработался тик, **а то ли** он всерьез подмигнул* (Р. Солнцев. Демон // Огонек. № 7. 1991) — намеренность / ненамеренность.

Общей для всех случаев данного типа является актуализация градационных отношений. Ряд с повторяющимся *то ли* эти отношения передавать не призван; однако для этого союза действительно цитированное выше замечание «Русской грамматики»: как и повторяющийся *ни*, он «совмещает соединительную функцию с функцией усилительной частицы» — с той лишь разницей, что базовой в данном случае является не соединительная, а разделительная функция. Это свойство рядов с повторяющимся *то ли* влечет их нередкое использование для создания иронического парадокса.

Повторяющийся союз всегда подчеркивает, что «каждый конъюнкт участвует в сочинении» и что «каждый конъюнкт рассматривается отдельно» (Апресян, Пекелис, 2012; Haspelmath, 2007: 15). Тем самым он подчеркивает грамматическое равноправие конъюнктов и заставляет ожидать их семантической однородности. Когда же в качестве конъюнктов сочиненного ряда используются элементы с резко диссонирующими значениями, неизбежно возникает парадокс. Повторяющийся союз его усиливает, ср. самый известный, по-видимому, пример:

(34) *Я потерял сознание, остались одни чувства... Тонкие... Едва определимые... **То ли** мне хочется музыки и цветов, **то ли** зарезать кого-нибудь* (Е. Шварц. Обыкновенное чудо).

Если обобщить наблюдаемые в материале (ок. 100 примеров из основного и газетного подкорпусов НКРЯ) довольно разнообразные отношения между конъюнктами, то можно сказать, что их общим знаменателем является градация ожидаемости. Последний конъюнкт всегда называет нечто наименее ожидаемое: это показывают все приведенные выше примеры. Ср. еще характерные иллюстрации:

(35) *Чтобы помнить — не важно, героя ли, наемника, — нужно, чтобы он был человеком с именем и лицом, а не «солдатом номер три» в постановке, смысл которой режиссеры **то ли** скрывают от зрителей, **а то ли** и сами давно потеряли* (И. Давыдов. Работа для патриота // «Сноб», 16.02.2018);

(36) *Теперь она не знает, как быть — **то ли** продолжить романтическое знакомство, **то ли** остаться верной своему веселому мужу, **а то ли** вообще подружить их и не мучиться проблемой выбора* (Е. Гусятинский. Доказательство жизни // «Русский репортер». 2013);

(37) *Да, видели мотоцикл — **то ли** синий, **то ли** черный, **а то ли** вообще оранжевый* (А. Евтушенко. Почему я оправдал обвиняемого в убийстве // Комсомольская правда, 25.04.2002).

Наименьшая ожидаемость нередко специально подчеркивается частицей *вообще* (36–37). Особенно любопытны случаи, когда наименее ожидаемое является непосредственно наблюдаемым, в которое персонаж не хочет или боится поверить. В этом случае может возникать дополнительный маркер достоверности:

(38) *Грудь его сдавила новая, не испытанная прежде боль — состоящая из отвращения и гнева на то, что можно покушаться на величайшее чудо природы, на ее величайший и уязвимейший дар... **то ли** это такое освещение было, **а то ли** и **взаправду** так обстояло дело, но младенец показался Камлаеву мертвенно-синим* (С.А. Самсонов. Аномалия Камлаева. 2008);

(39) *И **то ли** парма расступилась — расползались буреломы, отодвигались стволы, — **а то ли** **вправду** синий луч с небосвода, рассыпавшегося льдинками, был путеводным, но вскоре лес поредел, как рубаха на локтях, и вдали перед бледной полосой застывшей Колвы поднялись черные зубчатые гребни городища и острога* (А. Иванов. Сердце Пармы. 2000).

Ряд рассматриваемого вида может быть окрашен не только алетической модальностью, но также аксиологически, когда наименее ожидаемое равняется наиболее нежелательному, ср. (28):

(40) *Оказывается, из-за плотного гастрольного графика певица **то ли** не успела, **а то ли** не захотела предоставить оригинал* (К. Щербино. Аристократы и эстрада // Теория моды. № 25. 2012).

Следует особо отметить, что включение союза *а* в ряд с повторяющимся *то ли*, представляет собой сравнительно новое явление в русском языке. Самый ранний пример в НКРЯ датируется второй четвертью XX в.:

(41) *И довольно красивое. И вдруг с удивлением заметил испуганные глаза и открытый рот священника. Слово замерло на устах отца Якова. **То ли** ошибка, **то ли** подлинный кошмар, **а то ли** — она и есть, Сергея Павловича беглая дочь!* (М.А. Осоргин. Свидетель истории. 1932).

Абсолютное же большинство примеров зафиксировано в последнее десятилетие прошлого века и первые — нынешнего, и количественный рост вхождений от десятилетия к десятилетию несомненен. Как и в случае с *ни бог, ни царь и ни герой*, здесь тоже можно предполагать некоторую роль прецедентного текста *то ли девочка, а то ли виденье* (песня Максима Леонидова «Девочка-виденье» появилась в 1997 г.), многократно цитированного и пародированного. Самый факт цитирования и пародирования этой строчки можно рассматривать как свидетельство того, что автор песни точно уловил актуальную языковую тенденцию.

Заключение

Изложенные наблюдения позволяют сделать ряд выводов. Они носят предварительный характер, поскольку изучение комбинирования средств сочинительной связи без возникновения новых союзов находится пока, насколько можно судить, в начальной стадии.

1. Комбинирование сочинительных союзов может вести к образованию новых составных союзов, но не обязательно. Образованию новых союзов препятствуют сохранение каждым компонентом своего значения и композиционность семантики комбинации. Это в равной мере относится к вставке в ряд, сочиненный при помощи повторяющегося *ни*, как эксплетивного соединительного *и*, так и присоединительного *да и*, и противительно-отождествительной комбинации *но и*, которая в отдельных случаях сама обнаруживает тенденцию к образованию нового союза. То же относится и к вставке противительного *а* в разделительный ряд с повторяющимся *то ли*.

2. При кажущейся избыточности описанных включений сочинительного союза в уже оформленный сочиненный ряд, во всех рассмотренных случаях обнаруживаются дополнительные функции и оттенки значений, реализация которых составляет цель таких включений. Так, эксплетивный *и* в ряду с повторяющимся *ни*, во-первых, может выполнять функцию ритмического выравнивания фразы, во-вторых, служит средством указания на исчерпанность перечисления. Можно полагать, что функция ритмического выравнивания имеет место и в других рассмотренных комбинациях. Присоединительный союз *да и* в аналогичной позиции своим значением вступает в противоречие с открытостью ряда, но в то же время оказывается эффективным средством указания на хезитацию говорящего, которая может быть вызвана разными причинами, а также средством, предвосхищающим обобщение, причем последнем случае дополнительный союз даже становится обязательным. Комбинация *но и* в той же позиции подчеркивает парадоксальность сосуществования называемых явлений. Противительно-сопоставительный *а*, появляясь перед последним конъюнктом разделительного ряда с повторяющимся *то ли*, подчеркивает завершение скрытого за разделительностью градационного ряда, предвосхищая номинацию в последнем конъюнкте высшей точки некоторой шкалы (чаще всего шкалы неожиданности). Наконец, общей для всех рассмотренных случаев является функция замыкания открытого по своей изначальной природе ряда.

3. Рассмотренные явления неоднородны в плане актуальности. Если примеры, приведенные в пп. 2 и 3, могут быть сочтены сравнительно редкими, то многочисленность современных примеров с эксплетивным *и* в составе ряда с повторяющимся *ни*, а также с *а* в составе ряда с повторяющимся *то ли*, позволяет утверждать, что перед нами интенсивно развивающиеся явления современного русского языка, причем последнее начало свое развитие всего лишь несколько десятилетий назад.

Список литературы

- Апресян В.Ю., Пекелис О.Е.* Сочинительные союзы // Русграм: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2012. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/label/Сочинительные_союзы/ (дата обращения: 21.03.2026).
- Беднарская Л.Д.* Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений : монография. М. : Флинта, 2020. 152 с. EDN: UYTSTJ
- Волкова Е.Б., Коротун В.Л.* Сложноподчиненные предложения неоднородного соподчинения с одним условным компонентом в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 151–156. <http://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-151-156> EDN: EHDFAV
- Гаврилова Г.Ф.* Усложненное сложное предложение в русском языке. Ростов-на-Дону, 1979. 232 с.
- Гаврилова Г.Ф.* О семантике и функциональных потенциях сочинительных союзов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 9. С. 71–77. EDN: VHLFSH
- Ганцовская Н.С.* Многокомпонентные сложноподчиненные предложения в пьесах А.Н. Островского (к вопросу о взаимоотношении разговорной и книжной речи) // Язык и слог Островского-драматурга. Ярославль, 1974. С. 80–92.
- Грамматика русского языка.* Т. 2 : Синтаксис. Ч. 2. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 704 с.
- Ивкова Е.Ю.* Многокомпонентные сложноподчиненные предложения контаминированной структуры в современном русском языке (на материале романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир») // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Спец. вып. С. 81–83.
- Иоанесян Е.Р.* Союз *но*: особенности употребления // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2010. № 2. С. 158–205.
- Кручинина И.Н.* Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М. : Наука, 1988. 212 с.
- Логачева А.А.* Изменения в системе сложносочиненного предложения в языке русской лирики первой половины XIX — последней трети XX веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2012. 24 с. EDN: QHVBEP
- Пекелис О.Е.* Сочинение // Русграм: материалы для проекта корпусного описания русской грамматики, М., 2013. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/syntvar/coordination/#label_toc346610888 (дата обращения: 27.03.2026).
- Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М. : Учпедгиз, 1956. 512 с.
- Померанц Г.С.* Записки гадкого утенка. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
- Прияткина А.Ф.* К изучению присоединительных конструкций // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2007. С. 201–214. EDN: YKQFFT [Цитируемая статья впервые опубликована в: Уч. зап. ДВГУ. Вып. 5. Владивосток, 1962.]
- Русская грамматика / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 2. М. : Наука, 1980.
- Санников В.З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве : монография. М. : Языки славянских культур, 2008. EDN: SUQJEN
- Урысон Е.В.* Составные союзы *а то* и *а не то*: возможности семантического композиционного анализа // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 61–73. EDN: MBCGIF
- Урысон Е.В.* Опыт описания семантики союзов : монография. М. : Языки славянских культур, 2011. EDN: UGNTYR
- Haspelmath M.* Coordination // Language typology and syntactic description / ed. by T. Shopen. Cambridge, 2007. Vol. 2. Pp. 1–57. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511619434>

Сведения об авторе:

Дымарский Михаил Яковлевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, 1-я л. В. О., д. 52. Сфера научных интересов: русский язык, синтаксис, лингвистика текста, культура речи. ORCID: 0000-0002-1796-7686. SPIN-код: 8662-7550. Researcher ID: M-8002-2016. Scopus Author ID: 57131173400. E-mail: dym2005@list.ru

DOI: 10.22363/2618-8163-2026-24-3-334-349

EDN: EIDHRM

Research article

Combinations of coordinating conjunctions in modern Russian speech

Mikhail Ya. Dymarsky

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
✉ dym2005@list.ru

Abstract. The relevance of the topic stems from the special attention to grammatical semantics in modern linguistics, including the phenomena of the so-called “minor” syntax. The research draws attention to the previously unstudied phenomenon of combining coordinating conjunctions in one row and at providing the first description of four cases of this combination. The study analyses constructions obtained through queries in the Russian National Corpus where 1) the repeating conjunction *ни... ни* ‘neither ... nor’ is followed by the additional conjunction *и* ‘and’; 2) the same row contains the additional conjunction *да и* ‘and’; 3) the same row contains the pair of conjunctions *но и* ‘but at’; 4) the repeating conjunction *то ли ... то ли ...* ‘or ... or’ is supplemented by the conjunction *а* ‘but’. We show that all constructions introduce the expletive conjunction to perform additional functions: rhythmic alignment of the phrase (*и* ‘and’), emphasizing the closedness of the row (in all cases), expressing the speaker’s hesitation (*да и* ‘and’), adding a concessive or adversative-identifying connotation (*но и* ‘but and’), and emphasizing the highest point of the gradation scale (*а* ‘but’). We also confirm that the described constructions have different frequency (the first and the fourth are widespread; the second and third are significantly less frequent), but all of them are particularly relevant in the modern Russian language. Some of them were first recorded only in the 20th century; others have long been known, were not frequent previously, but from the middle of the 20th century demonstrate a noticeable increase in usage.

Keywords: coordination, repeating conjunction, compound conjunction, superposition of coordinating conjunctions, composed homogeneous row, semantics of coordination

Conflict of interest. The author has no conflict of interest to declare.

Article history: received 05.02.2026; accepted 18.05.2026.

For citation: Dymarsky, M. Ya. (2026). Combinations of coordinating conjunctions in modern Russian speech. *Russian Language Studies*, 24(3), 334–349. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2026-24-3-334-349> EDN: EIDHRM